18+

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0131-6044

9 770131 604002

РОМАН-ГАЗЕТА

2022 №4

Александр Бархатов / *Операция «Шахматист»*

95

1927–2022

БАРХАТОВ Александр Александрович

родился в 1957 году в Пензе. После окончания МГУ им. Ломоносова работал в Гостелерадио СССР. Начинал в детской редакции Всесоюзного радио, р/с «Юность», затем был корреспондентом молодежной редакции Центрального телевидения («Взгляд» и др.), обозревателем информационных программ «Время» (Первый канал), «Вести» (ВГТРК), начиная с 1986 года специализировался на освещении национальных и военных конфликтов.

В 1988 году как автор и режиссер снял свой первый документальный фильм «По линии жизни» о войне в Афганистане. Работал в «горячих точках» на территории бывшего СССР и за рубежом. Нелегально переходил со съемочной группой границу из Пакистана в Афганистан после вывода советских войск из Афганистана, работал по разные стороны конфликтов в Югославии, «пропадал без вести» в Румынии в дни свержения режима Чаушеску.

Был пресс-секретарем Совета безопасности РФ (при А. Лебеде). Возглавлял PR-структуры частных и государственных корпораций, в частности, Альфа-групп (Перекресток), АФК Система (Детский мир), ФК УРАЛСИБ, Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК), УК РОСНАНО.

Автор документальных книг «Александр Лебедь» (1997 год), «Смотки» (2013), «Война. Пингвины. Джексон» (2020). Роман «Операция «Шахматист» — художественная проза на основе работы в крупном бизнесе.

Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

«Вече» — символ любви к Отечеству

Нашим друзьям, издательству «ВЕЧЕ», 30 лет. К своему юбилею коллеги подготовили великолепный сборник-летопись своего «жизненного пути» — со всеми радостями и горестями, достижениями и потерями, открытиями и перспективами дальнейшего развития.

В сборнике представлены общественно-важные события в бурном книжном море новой России, и главные серии издательства, составившие его славу, и знаменитые авторы (имена эти совпадают с «золотой полкой» «Роман-газеты»: Дмитрий Балашов, Валентин Пикуль, Анатолий Иванов, Валентин Распутин, Василий Белов), и награды...

Итак, строгий перечень деяний «Вече» за тридцать лет:

- около 19 тысяч наименований книг;
- общий тираж 140 миллионов экземпляров;
- не менее восьми тысяч авторов;

- 510 различных серий (в среднем по 20–30 книг);
- 14 серий-«миллионников» с общим тиражом более миллиона экземпляров.

Подробно о том, как создавалось и функционировало все эти годы издательство, рассказал Леонид Леонидович Палько, его генеральный директор, управляющий вице-президент Российского книжного союза, секретарь Союза писателей России.

Об идеологии «Веча», о его неповторимом лице на книжной карте России поведал Сергей Николаевич Дмитриев, поэт, историк, фотохудожник, действительный член Академии российской словесности и Российской академии естественных наук. В своем интервью главный редактор издательства «Вече» (а занимает Дмитриев этот пост с 1994 года) пишет:

«Основные вехи нашей 30-тилетней истории связаны с рождением и выпуском различных серий... Появлялись они, что называется, методом проб и ошибок. Когда приходила в голову идея какой-то серии, мы ее запускали, а потом смотрели, «выстрелила» она или нет.

История — тема широкая, и в ней много ответвлений: оте-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
РОМАН-ГАЗЕТА
УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»
ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:
в объединенном каталоге ***«Пресса России»*** ***38915*** *на полугодие;*
в электронном каталоге ***«Почта России»*** ***П1526*** *на полугодие*

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2022 №4 /1897/ Основана в 1927 г.

Александр Бархатов

Операция «Шахматист»

Роман

Афганский караван

Сознание, как зависающий компьютер, то с болью дергало тело вперед, то теряло связь с ногами и руками. Алексей упрямо полз с середины тропы к грязному арыку с засохшей зеленой жижей, чтобы скатиться в спасительную канаву с открытого места... Но ему только казалось, что полз. На самом деле беспомощно скреб серую глину, шарил вокруг себя, как ослепший. И не мог дотянуться до выпавшего из рук автомата. Материться, орать мог, но зацепить пальцами брезентовый ремешок не удавалось, тот змеей ускользал в мелкую пыль.

Пришел страх. Еще не те крайние судороги, которые топят сознание и выбрасывают мочу. Это-то он не раз видел со стороны, у погибающих рядом. Нет. Он пока соображал и... упирался. Но показалось, что если еще раз разинет рот, то вместе с песком и солёными сгустками крови из него вырвутся внутренности, и это будет конец. Сжал зубы.

Нужно вернуть назад секунду, когда пуля ударила в спину. Появилась странная уверенность, что он может это сделать... Только забыл как.

А лучше проснуться, надо просто проснуться. Это он с парковых цепных качелей прыгнул и со всего маха наткнулся на вставшую стеной землю. От удара кружится голова. Но нет. Стоп. Это не он. Это Вовчик Балаков тогда, в детстве, неудачно прыгнул и зубами попал в ограду парковой карусели, присыпанную снегом, а потом ходил с золотыми коронками во весь рот, кося под блатного.

Чушь.

Боль, как из тюбика, выдавливала слезы. Где остальные?

В окровавленной песочке — бежевом маскировочном комбинезоне — чуть левее лежал прапорщик Паша Лебедев. Из-под него, из набитой рожками разгрузки, крыльями с обеих сторон шел густой оранжевый дым. Паша всегда щеголял нагрудным жилетом для боекомплекта — трофейным лифчиком из верблюжьей кожи, даже подшил дополнительный карман для сигнальной шашки, чего у духов не водилось. И вот пуля прошла навылет, задев пиропатрон на груди.

Паша горел. Не двигался. Не кричал.

Земля медленно вставала на место. В ушах зазвенел звук боя. Эхо поднималось вверх по ущелью. Туда бы сейчас и затереться в расщелину... Пули с визгом ударяли рядом в толстый глиняный дувал. Раз слышит, значит, живой. Живой! Хватит тупо

Все совпадения реальны, а персонажи вымышлены.

грести руками. Унесут ведь. Или на живца охотятся, чтобы другие приползли? Потому и не добивают. Он бы так же их, гадов, ловил.

Нужно встать, но сил не было. Только голова наконец-то заработала, промытая волной страха.

Выходит, они с Пашкой поделили на двоих пулеметную очередь с крыши сарая. А ведь, проходя, Пашка туда заглядывал... Да что теперь...

Боль все-таки позволила повернуть голову. Алексей увидел метрах в сорока пулемет. Ствол его задрался выше, пытаясь достать короткими прицельными очередями убегавших ребят.

Впереди поднимались фонтанчики пыли. Гвардейцы кубарем скатывались с широкой тропы, которая петляла от кишлака сначала в горку, а потом вниз, к старой джелалабадской дороге. Дальше тропа упиралась в отвесную скалу и поворачивала вправо, к зелёнке, в которой можно было укрыться. Пулемет бил по бегущим к спасительному повороту фигуркам на фоне серой стены, как по мишеням в тире.

Броня заерзала у подножия горки, харкнула в небо копотью, стала разворачиваться. Но медленно. Медленно...

Сколько раз их бээмпэшки терли гусеницами эту дорогу у брошенного кишлака — ни подрыва, ни выстрела. А тут... На самом выходе. Обидно — до брони метров триста. Ждали, сволочи.

И ясно почему. Иностранца вернуть хотят, которого разведка взяла на караване, а теперь конвоировала в Кабул. Просто так бы не поперли рисковать. Как они все узнают?..

Не так он представлял финал своей войны. Себя, ловкого, выносливого дембеля, который умел все, что потребует бой. Кошкой заползти на любую из этих гор, обжигая пальцы, поспевать двигать прицельную планку, чтобы достать расползавшихся по скалам врагов, добивать. Поглумиться не брезговал. Если на караване нужен был «язык»... Сначала в одну руку, в другую, потом в ногу... Главное, чтобы успел пошевелить языком.

Теперь с ним поменялись местами. Он беспомощно барахтался в чьем-то прицеле. Как муха на булавке. Такое раньше случалось с ним только раз. Когда впервые попал под обстрел. Вместе с другими молодыми балбесами жался к лейтенанту. Тот отгонял, чтобы в цепь легли, а они все одно льнули к нему, словно щенки к суке. Вот тогда их гранатами из подствольников и накрыли. Ополовинили свежий призыв. И вот...

Влип ты, гвардии младший сержант Санин, по полной. Не соврала дембельская статистика — большинство гибнет в сто дней до «своего» приказа.

Хотя он еще не мертв. Не мертв.

Красный дым из нагрудника Лебедева пошел гуще. Чернильное облако обволакивало неподвижную фигуру прапорщика, и Алексей инстинктивно пополз в этот дым. Спрятаться. Еще минута его барахтаний в пыли... Дым словно сжалился и сам накрыл его. Едкая сера заставила задержать дыхание.

Он поплыл...

Первый раз воздуха не хватило. Пришлось выныривать и снова опускаться к подводному склону скалы. Вот он, осьминог. Никуда не делся. Цветные щупальца обнимают каменный выступ снизу, как огромная бисерная брошь ручной работы. Приходится стрелять вверх, развернувшись к поверхности воды. Видишь себя как в зеркале.

Рикошет стрелы о скалу под водой отдается щелчком над ухом. Наконечник раскрывается, лишая возможности еще живого осьминога соскочить с острия. Алексей хватает металлическое древко, и щупальца обвивают левую руку, присасываются. Из тушки вырывается облако чернил. Восторг охоты. Даже часть воздуха из легких упустил в трубку. Взмахнул ластами, чтобы резко всплыть. И тут кто-то навалился сзади, начал сдирать с него маску. Черт. Шуточки... Он же захлебнется. Алексей испугался и изо всех сил заработал ластами, потянулся наверх, хватаясь за тонкие лучи света...

Очнулся. Ми-8 подкидывало и бросало в стороны. Рядом, зажав коленками автомат, сидел Володя Мартьянов, санинструктор. Иллюминаторы задраены, значит, шли уже на приличной высоте.

Санинструктор оттирал грязным бинтом руки с засохшими бурыми пятнами. Потом оторвал край бинта, где почище, плеснул на него из фляги. Склонился к Алексею, промокнул его лоб и рот. Когда отнял руку, Санин успел заметить, что бинт пропитался кровью.

Мартьянов что-то постоянно кричал в торчащую колесом из кабины пилотов спину. Тёр руки между пальцами и орал. Бортмеханик не оборачивался, только кивал в ответ. Слов было не разобрать. Гул движков перекрывал голоса.

Алексей знал Мартьянова еще с сержантской учебки. Слова из него не вытянешь. А тут... трещал без умолку. И еще одна странность — шея Володьки постоянно дергалась, совершая какое-то птичье движение, будто он за разговором пропихивал внутрь неразжёванную еду.

Так бакланы рыбу глотают, ни с того ни с сего пролетело в голове Алексея. Когда спугнешь их, хлопают крыльями и отрыгивают излишки добычи, чтобы взлететь. Но о чем это он...

Санин лежал на боку, ногами к двери вертолета. На носилках. По крайней мере, ноги целы. На кроссовках даже бантики не расползлись. Он всегда плел шнурки тщательно и, как еще мать учила, не как девчонки косу, а по-мужски — дырочка с дырочкой, продольными строчками. Хорошо, что ноги целы.

Если тут раздробить и осколки в костный мозг попадут, то через два часа гангрена. И к богу... Этого все бывалые ребята боятся. Может, оттого, что само ранение кажется уж точно не смертельным. Начинаешь хорохориться, а провозились с тобой в ожидании очереди к хирургу — и привет.

А вот песочку Алексею кто-то безжалостно резанул надвое, как шашкой махнули, и лоскуты подоткнули под него. Одна из пуговиц больно упиралась в бедро. Чувствовал. Что, впрочем, уже неплохо, весь не одеревенел.

Трубка из левой руки, примотанной бинтом к животу, раскачивалась и поднималась к пластиковому пакету, пристроенному на защёлку иллюминатора. Капельница. Вот, значит, какого осьминога он в бреду ловил.

Виски ломило, но прежней боли не было. Даже какая-то дурацкая радость распирала изнутри. Может, дошло наконец до организма, что жив?

Лопасти вертолета шинковали солнечные лучи, и они дрожащим фаршем вползали в иллюминатор. Дюраль трясло от напряжения. Вертушку временами разворачивало, и она по-собачьи заискивающе виляла хвостом перед близкими вершинами. Значит, шли против ветра. Болтанка не пугала. К полетам привыкли. Всё одно, что на автобусе ехать.

Санин вновь перевел взгляд на Мартьянова. Санинструктор продолжал что-то бормотать с засохшей белой слюной в углах рта и глядел на солнце. Спокойно, широко раскрытыми глазами, как смотрят на лампу грудные дети, не мигая. И сглатывал.

В обнимку с автоматом Мартьянов казался совсем миниатюрным. Соотношение оружия и фигуры было явно не в его пользу. Как сначала окрестил его ротный за малый рост, — Пионер. Все удивлялись: непонятно, как в десантуру попал.

Обычно тут невысоких и щуплых не жалуют. Но Володька быстро стал исключением. В роте уважали его за бесстрашие. Если кого зацепит в бою, он полз сразу. Не ждал затишья, начинал перевязывать прямо под пулями. Юркий он. В такого сразу не попадешь...

А однажды при нападении на их колонну афганский пулеметчик в расселине засел. Прикрывал отход банды. Не подступиться. Вдруг через некоторое время пулемет замолчал. Думали, ушел дух. А когда подобрались ближе, картина всех потрясла. На обратном выходе из расселины неподвижно стоял Мартьянов и держал на мушке здоровенного афганца-пулеметчика с поднятыми руками. Тот на коленях, а все равно был на голову выше санинструктора.

Потом, когда учили молодых правильному подходу к пленному, часто дурачились. Выбирали из новеньких кого подлиннее, ставили на колени и звали Мартьянова, показать. Санинструктор соглашался. Только не всерьёз, конечно, всё делал, а разыгрывал комедию. На что и был расчёт. Изображал жуткий испуг, выкатывал глаза, дико орал и дрожал всем телом с автоматом наперевес. А потом раз взял пластиковую бутылку с водой и полил новичку между ног... Пацаны захлебывались от смеха.

Если бы не эта перевязь на груди, ей-богу, Санин и сейчас захохотал бы, вспоминая... Прирожденный клоун Мартьянов. А прозвище Пионер не прижилось.

Санин попытался перевернуться на другой бок, чтобы посмотреть, кто еще на борту, за спиной. Но палки носилок зажали тело, как в тисках. Удалось только задрать голову.

На полу одинаково дрожали продолговатые кули из пластиковой фольги. Очертаний тел не угадывалось. Но другого предназначения этот на редкость прочный материал не имел — использовали исключительно для транспортировки убитых. В быту эта фольга много где могла выручить, но солдатская смекалка обходила её стороной.

Сколько было «двухсотых», Алексей не сосчитал. Глаза быстро устали от солнечных бликов.

Санинструктор приложил к раскрывшейся шее Санина два грязных прокуренных до желтизны пальца. Пульс был ровным. Поправил капельницу. И словно кому-то ещё, кто мог это видеть, удовлетворенно кивнул. Мартьянов от души накачал Санина анальгином.

Вертолет перемахивал последний перевал перед Кабулом, когда сознание Алексея синхронно с воздушной ямой провалилось в прошлое. Зайчики от фольги на потолке вертушки превратились вновь в отблески воды...

Теплые морские волны накатывали на плечи, солнце грело затылок. Он вытянул высоко над водой левую руку, победно сжимая стрелу с осьминогом. До лодки всего ничего, догребет и одной.

Прелесть днём в море. Только загубник у трубки был великоват, просачивалась солёная вода, которая когда-то в детстве испугала привкусом крови.

Он был во Франции...

Днём раньше спускали на воду яхту Светланкиного отца. Удивительно мягко автокран подхватил с асфальта и поставил у пирса тяжелый металлический корпус. Мелкие волны забились вокруг, как мальки у корки хлеба, словно обрадовались новому вкусу, лизали сахарно-белый борт. Паруса поймали ветерок, потянули канаты. Или, как говорил отец Светланы, шкоты:

— А теперь, для выработки походки а-ля морской волк... Там та-ри-там, та-ри... Георг Фридрих Гендель, «Музыка на воде». Между прочим, сочинялась для короля Англии...

В стране сказочных виноделов трое русских с громким хлопком откупорили привезённое специ-

ально из Москвы «Советское шампанское». Половина нагретой солнцем бутылки вылилась под ноги, остальное разлили по бумажным стаканчикам, и с самого донышка еще осталось плеснуть на деревянный борт яхты.

Светланкин отец был дирижёром, приглашенным аж на пять лет во Францию с позволения самой высокой кремлёвской инстанции. И всегда любил подчеркнуть, как он это называл, свою русс-кость. Нарочито раздельно произносил, чтобы было понятно про русскую кость. И, конечно, если шампанское, то «Советское»...

На пляж в Ницце он ходил в плетёных сандалиях не на босу ногу, а надевая короткие носки. Как на подмосковной даче. Эта чудаковатость, попав в местную прессу, послужила его известности, пожалуй, в разы больше, чем весь оперный репертуар Лионского оркестра под его управлением.

Сейчас, несмотря на жару, он был также «не в формате» — в белой, по всей видимости, концертной рубашке с закатанными рукавами, в джинсах и мягких парусиновых туфлях. Элегантная твидовая шляпа с блестящей кокардой в виде скрипичного ключа — ещё бы заменить на знак доллара — отсылала прямиком к комиксам из журнала «Крокодил».

Чувствовалось, что роскошный головной убор ему нравится, но это была красота, требующая жертв. Кожаный бенд бочковым ободом стискивал огромную седую шевелюру. Пот нещадно струился за ушами, но деятель искусств терпел, отдавая должное торжественности момента.

Затем отец Светланки извлек из портфеля еще бутылку. Дирижерским жестом, которым привык поднимать оркестр для поклона, заставил полноватого француза с кхеканьем слезть с подъемного крана, пригубить пузырьки с воздухом Абрау-Дюрсо. Подмигнул Санину. Дескать, есть чем удивить избалованных местных гурманов:

— При дворе его величества императора Александра Третьего на всех праздниках французское шампанское заменяли крымским. По высочайшему повелению. И жалоб в истории не осталось... Хотя, конечно, князь Лев Голицын первую лозу где-то здесь выкопал...

Француз, словно понял без перевода, оттопырил большой палец, уважительно ткнул в этикетку и приподнял руку с бумажным стаканчиком как олимпийский факел.

Так вчетвером и отметили событие.

В восемнадцатое лето от роду Алексей просто дурел от нахлынувшего везения. И, конечно, от любви.

Перед самым выходом в море Светланкин отец, допивая очередной стаканчик, рассказывал, как на концертах Шаляпина от неповторимого тембра певца трескались бокалы с шампанским. Алексей себя таким переполненным бокалом в эти французские дни и ощущал...

Они были одноклассниками. Светланка считалась примой их 10-го «Б». При этом абсолютно не умела кокетничать. Видела, что нравится ребятам, но боялась показать ту бездну стеснительности, которая буквально проглатывала все мысли, когда на неё смотрели слишком долго и пристально. В такие моменты её маленькая фигурка сорок четвертого размера и ста пятидесяти сантиметров «с кепкой», будто сама, бесконтрольно, начинала проявлять повышенную настороженность и неуверенность.

Но то, что сама Светлана видела в зеркале, абсолютно по-другому считывал мужской взгляд. Её настороженность превращалась в нарочито замедленную плавность кошачьей походки. А задние карманы классических моделей обожаемых ею джинсов «Lee», подарка папы, взрывали воображение — были похожи на крупные ладони, обнимающие самые соблазнительные места. Тем более все округлые формы ее фигуры к окончанию школы еще и вызывающе приподнялись — родители наконец-то позволили ей ходить на высоких каблуках, чтобы потренироваться перед тем, как надеть вечернее платье на выпускной...

Словом, на улицах от приставучих парней Светлану спасала только её темпераментная походка. Она успевала проскочить мимо, пока первобытные мужские импульсы формировались в слова или жесты, способные её остановить или хотя бы задержать быстрый взгляд карих раскосых глаз.

В тот вечер в одной из бухт близ города Йер они устроили концерт русской классической музыки. Отец Светланки, удивив запасливостью, откупоривал бутылку за бутылкой неизменное «Советское шампанское». Он придумал отправиться на яхте сразу сюда, поскольку, по его мнению, где-то здесь родилось ставшее легендой название побережья.

— Гулять, так в символическом месте. Да простит нас бездарный графоман господин Льежар, но из всех его литературных трудов осталось в памяти потомков одно только это словосочетание... Лазурный берег. Хотя если вдуматься, сущая глупость. Лазурь есть, спору нет — вода, волны. Но берег тут... Какой хотите — коричневый, зеленый, желтый. Но уж никак не лазурный... — Он поморщился и добавил: — А в нашей юности верхом счастья была скромная аббревиатура ЮБК, что означает, дети мои, Южный берег Крыма... Впрочем, à chaque oiseau son nid est beau — тоже звучит красиво, но в переводе означает всего лишь, что всяк кулик своё болото хвалит.

Его заметно качнуло против волны.

Наконец-то он снял шляпу и врубил на полную четыре встроенные в крышку трюма колонки. Шикарный музыкальный центр был единственным осо-

бым пожеланием странноватого русского клиента верфи Beneteau.

Это было очень громко. Но им казалось, что кивающие мачты соседних яхт, несмотря на нарушение всех европейских приличий, одобряют разлетавшийся по округе лирический баритон Георга Отса.

Алексей со Светланой пристроились на носовой палубе, задрали головы. Хмель давно улетучился, но легкое и приятное головокружение не проходило, поскольку от неумелой швартовки на якорях яхту изрядно таскало из стороны в сторону. Теплое вечернее небо презентовало красоты побережья, то приостанавливая, то запуская звездный хоровод.

Отец продолжал сидеть на корме с бокалом, тактично не поворачивая головы в их сторону. Лишь раз, меняя кассету, оглянулся, заметил, что «дети» сидели, уставившись в небо. И абсолютно трезвым голосом произнес:

— Эй, молодежь! А вы знаете, почему после пятидесяти уже невозможно сосчитать звезды?

Они попытались отгадать:

— Потому что уже известно, сколько их должно быть в видимом диапазоне. Порядка пяти тысяч, — умничал Алексей.

— Только не говори, папа, что это пустое занятие...

— Нет. Ни то, ни другое. Потому что с возрастом начинает двоиться в глазах... А считать всё ещё хочется...

К полуночи они остались одни. Отец Светланки ушел в кубрик, приглушив музыку. На отливе яхта выправилась и качалась в такт, как метроном. Только огромная луна казалась неподвижной, лениво глядя со скал, как будто держала и покачивала их в детской ванночке. Эдакая европейская белолицая нянька, позволяющая чадам легкое баловство.

— Наверное, ей уже до чертиков наскучили здешние летние ночи, — предположил Алексей. — Всегда тепло, всегда волны. И не отвернуться ведь...

— И всегда полно туристов, — шутливо дополнила Светлана. — И ладно бы Набоковы с Мопассанами. А то ведь простые грешные капиталисты и комсомольцы. И даже один член Коммунистической партии...

Ему хотелось перевести разговор на более серьезную тему. О скором отъезде. Впереди два года армии... Но он опять решил, что не время. Да и не хотелось грузить банальностями, мол, дождись, и тогда заживем на всю катушку, поженимся... Она же все понимает. А если нет... Тем более пока никаких козырей за ним нету. Кроме того, что по уши... в неё.

В ночь их выпускного Светланка впервые позволила себя поцеловать. Уже светало, когда отбились от класса в городском парке. Сели в заросшей плющом беседке. Листочки только проклюнулись, зелёные кружева сплетались в прозрачную сеть, но им казалось, что они исчезли из этого мира. После поцелуя она запрокинула голову вверх, закрыв глаза. Он едва справился с двумя верхними пуговицами платья. Его неуклюжие пальцы просунулись под ослабшую бретельку бюстгальтера. Маленькая родинка в ямочке над её левой ключицей была похожа на застывшую божью коровку. Он хотел большего. Но Светланка прижала ладонью его пятерню и не пустила дальше. Ему потом ещё много дней эта родинка не давала покоя...

И теперь, в темноте прибрежной ночи он хорошо представлял, где прячется её родинка, мог вслепую губами дотронуться.

— Жаль, что Луна так далеко, — мечтательно произнесла Светланка. — Представь, папа рассказывал, что в детстве я её долго не замечала. Лет до трёх. Пока он не ткнул пальцем и не рассказал о лунатиках-селенитах. Выдумал, что они сидят там вечерами с фонариками и хулиганят, светят на спящих на Земле. После этого я частенько на неё таращилась... И мне казалось, что в форточку светят лунатики.

— Смешно. А представь, если бы обе планеты соединились. Взаимное притяжение победило. Луна причалила бы к Земле. Ну, или наоборот. — Алексей прислонился лбом к её каштановой челке. — Скажем, сошлись Южными полюсами.

Он прижался губами к её щеке. Обнял. Светланка закрыла глаза, наслаждаясь тем, как двигались его руки, будто нечаянно задевая грудь. Она не шевелилась. Не поводила плечами, как всегда бывало в ответ на понятные происки... Продолжала говорить, перейдя на шёпот:

— Можно было бы погулять вокруг кратеров, заехать на тёмную сторону. А по возвращении получить диплом астронавта, как здесь грамоту за полёт на пляжном дельтаплане.

— Боюсь, воздуху бы не хватило на две планеты, — сказал Алексей, забывая про всё на свете.

Её глаза были так близко, что слились в одну сверкающую звёздочку. И желание «не планетных» тел исполнилось. Во время долгого поцелуя воздуха на двоих действительно не хватало...

Черный горизонт моря ночь напролет менял декорации. Волны, как работники сцены, перетаскивали с места на место далекие светящиеся гирлянды с силуэтами кораблей.

Войска дяди Васи

Генерал-майор Катков был вне себя. Его и так втихую называли краснокожим за перманентный свежий загар. Был грех — любил Виктор Сергеевич посещать кварцевые процедуры с бассейном. Но сегодня румянец полз пятнами, будто его отхлестали по щекам.

— Я предупреждал, что нельзя доверять армейским. Там же пацаны, как их ни натаскивай. Сопляки двадцатилетние. Почему их вывели на караван? Почему не послали спецназ? Гвардейцы, как бишь их? Войска дяди Васи?.. Вот ты, Василий, и расхлебывай за своих тёзок-крестников. — Катков ткнул пальцем на гербовый пятак аппарата правительственной связи. — Что мне сюда докладывать?

Василий Верченко, подполковник Первого главного управления КГБ, стоял навытяжку. Знал, надо продержаться минуты две. Сейчас шеф сядет за стол, отодвинет массивную хрустальную пепельницу с танцовщицей на донышке — антикварное наследие всех руководителей управления — и возьмется за трубку прямой связи с Председателем. Тогда он и попросит выслушать его доводы.

Катков перестал ходить за спиной подчинённого. Его грузное тело, раскачиваясь, долго скрипело старым промятым паркетом у окна. Потом он вернулся к столу, рука потянулась к вертушке без наборного диска.

И тут Верченко тихо произнес:

— Виктор Сергеевич, разрешите доложить соображения.

Катков из-под густых бровей посмотрел на Верченко.

— А они есть?

— Так точно. Сначала позвольте детали. — Он кивнул на телефонную трубку, с которой Катков пока не снимал руки. — Может пригодиться... Нашему спецназу задачу ставили, но профукали караван. Вымпеловцы опоздали. Но они же Наджибуллу все время сопровождают. Приоритет — беречь афганского лидера. Не разорваться же... А караван прошел на двадцать километров южнее. Может, духи сами с пути сбились. Пришлось просить разведроту, кто был поближе, из Джелалабада. Плюс... По мнению нашей резидентуры, никакой спецназ сейчас живьем иностранного советника по горам не довел бы. Хлопотно. Настрой перед выводом, сами знаете, какой. Злой. Тут еще за два дня до этого новость по телевизору — на высшем уровне подписан Договор с США по сокращению вооружений. А на «низшем уровне» все знают: американцы очередную партию стингеров духам подбросили. Столько бортов уже потеряли. Вертолетчики без кислородных масок под потолок забираются, летают на предельной высоте за шесть тысяч метров...

— Давай без пустого... Что ты мне тут лекции читаешь о международном положении...

— Я к тому, что... Может, и хорошо, что агент ушел. Шума меньше. Если бы заклятые друзья из Лэнгли прочухали, что за их человеком гоняемся мы, а не простые армейские, то появился бы риск для всей операции «Шахматист». А так мы оставили за собой инициативу.

— Хороша инициатива — упустить агента. А что с ним, знаем?

— Точно знаем, что он жив. Афганцы его французским врачам из Международного Красного Креста показывали. Дальше наводим справки. В Пакистан потащат. Куда ещё? Найдем. Тем более, знаем теперь в лицо. Сфотографировали гвардейцы сразу после того, как взяли на караване. Причем сам наш друг это вряд ли помнит, в полной отключке был, помяли его здорово, судя по физиономии. Да если и вспомнит, докладывать ему не с руки. А значит, рыба ушла с меткой, с крючком. Рано или поздно загарпуним. К тому же нагуляет жирок после боевой командировки, глядишь, повысят... и всплывет. Нашу блесну они глубоко заглотили.

— Василий Викторович, что-то ты стал выражаться как литератор. Образами. В отпуск хочешь, на рыбалку? Или, может, в Пятое управление перевести, на работу с общественным мнением?

— Так я же родом с филфака, товарищ генерал-майор, — попытался отшутиться Верченко.

— Тогда про «Старика и море» вспомни, — парировал Катков. — Большую рыбу мало поймать, надо еще до берега дотащить. Чтоб не сожрали... А тут у нас одни огрызки...

Верченко приоткрыл папку, которую держал наготове, положил перед Катковым две цветные фотографии. На первой в обнимку с духом, одетым в камуфлированный, но уже с порванными липучками распахнутый бронежилет и серую афганскую рубаху навыпуск, стояла троица бравых гвардейцев в песочных комбинезонах. По сравнению с пленным выглядели совсем мальчишками.

Иностранец стоял с заломленными назад руками. От боли аж глаза у него закатились. Видимо, попытался отвернуться от камеры или опустить голову, но один из десантников длинным афганским кинжалом, приставленным к горлу, заставил развернуться анфас.

— Ну, точно пацаны с Каретного. Стволы вверх, с охотничьей добычей позируют. И, конечно, самый оторва в неуставном нагруднике, орёл. А этот — в пилотке со звездочкой! В горах так ходить, на боевые, — обалдеть. Ну, воинство, — с ехидством, но заметно подобрев, произнес Катков.

— Гвардии прапорщик Лебедев, который в кожаном нагруднике, и гвардии сержант Каарик, в пилотке, погибли при отходе. На обратном пути, когда нарвались на засаду. Среди уцелевших только младший сержант Санин. Тот, с трофейным кинжалом, крайний слева. Проходит лечение в кабульском госпитале. Но выживет точно.

На второй фотографии был увеличенный портрет иностранного советника.

— Сделайте еще вариант фейса товарища американца. Так же крупно, только погуманнее, что ли. Подретушируйте, уберите нож. На всякий случай.

Теперь эта история может и до дипломатических разборок дойти. Со Штатами, вы правильно отметили, дружить собираемся. В который уж раз...

Переход начальника с «ты» на «вы» был хорошим знаком. Значит, настроение входило в берега. Подумав ещё минуту, Виктор Сергеевич добавил:

— Подскажите армейским, чтобы ребят наградами не обошли. Заработали. Но только аккуратно, чтобы наши уши не особо торчали. Н-да, конец войны, а у нас головы ребятишек летят, как с плахи.

Генерал отпустил Верченко, взял фотографии и потянулся к вертушке, докладывать.

Может, и прав подполковник. Провала нет. В конце концов ответственность не персонально на нем. Операция «Шахматист» была в числе тех, которые санкционировал лично Председатель КГБ. Полномочия отделу Верченко были даны напрямую и беспрецедентные. Это касалось будущего оборонки страны с расчетом на ближайшую четверть века, как минимум.

Выживший

К новогодним праздникам самое страшное осталось позади, «закончилось». Именно так сказала на обходе палатная сестра.

Все в Новый год говорят об ожиданиях, что-то, мол, «начнется». А для него самым радостным прозвучало — «закончилось». Из реанимации вывезли аккурат в католическое Рождество.

Врач, Лев Аронович Кац, круглолицый короткорукий майор с огромными ладонями и толстенными пальцами тяжелоатлета, оперировавший его дважды, разрешил «закончить» с постельным режимом.

Первого января с тем его и поздравили ребята в палате. Вместе с куском самодельного торта из вареной сгущёнки с тертым печеньем торжественно преподнесли обернутые елочной золотой мишурой костыли. Медсестры ассистировали в роли Снегурочек с блестками на застиранных колпаках.

Веселая компания обходила палаты, придумывая поздравления для «тяжёлых». Комсомольская инициатива, но старались от души.

Зашла и пухленькая, грудастая брюнетка Таня из операционных сестёр. Пара жёстких завитков чёрных как смоль волос выбивалась из-под голубоватой шапочки, и она всё время тщетно пыталась подсунуть их обратно. Заместитель секретаря комсомольской организации. Делала вид, что инспектирует программу праздника. Была слегка подшофе. Что, как показалось Алексею, добавило ей храбрости подойти и присесть к нему на кровать. Принесла пакетик мандаринов, трогательно украшенный бантиком из сильно накрахмаленного бинта.

Обычно операционных медсестёр раненые не помнили. В марлевых масках, одинаково быстрые и короткие взгляды — да и боец в обдолбанном состоянии, под антишоком. Какие тут глаза... Потом наркоз добавят, и... поехали. Вот и всё свидание.

Те, что полегче, еще могли повыпендриваться, поболтать. Рассказывали, один Герой Советского Союза, кавказец, от женских взглядов так наэлектризовался, что отказался от обезболивания. Шейте, мол, по-живому. Заштопали касательное в плечо, как просил. Покорил хирургию.

Ну, а палатные сёстры — другое дело. Их, своих, все знали. Они тебя выхаживают. И приласкают, и попить принесут. Утку, если санитар опоздает, без стеснений подадут... И без масок. Если не в инфекционном отделении.

Таню Алексей тоже бы не узнал, если бы она сразу после операции, когда очнулся, сама не зашла проведать. Глаза у нее чудные, смотрят на тебя и будто забирают целиком. А вокруг зрачков словно рябь по морской голубизне мелким бисером.

Ну а потом, с Нового года, она стала появляться почти каждый день. Не с дежурными вопросами, типа как дела. Об этом, видимо, справлялась у палатных. Увидеть хотела.

Садилась на край кровати и начинала щебетать. Эти визиты сначала были Алексею в тягость — температурил долго. Казалось, пóтом матрас пропитал. Матерился про себя, но приходилось делать вид, что слушает. С постели не убежишь.

А однажды... вроде приснилось... Ночью подсела. Повернулась неловко. Верхняя белая пуговка выскользнула из петли, халат чуточку распахнулся... Она поймала горячий бредовый взгляд Санина и вдруг, или всё это померещилось? Тихонько взяла его руку и прижала к коленке. Его словно током пробило... И всё молча. Он тоже едва шевелил губами, не мог говорить...

Видение это приходило потом каждый день. И самое настоящее мужское желание с понятной для молодого тела развязкой отодвигало боль, словно накачивало, как насосом, силой не только главное пацанское достоинство, но и все исхудавшее тело...

А когда Таня принесла новогодние мандарины, он первым заговорил. Уж и сам забыл, когда свой голос слышал, все стонами и жестами обходился:

— Спасибо, Тань. Сыт я мандаринами. У нас в Джелалабаде их полно. Субтропики. Даже зимой у вас в Кабуле меняем на ёлки. Специально с колонной передаем в снарядных ящиках.

Таня щебетала, как всегда, то о родном Чернигове, то о здешней художественной самодеятельности. А потом, ещё через день, удивила всю палату — принесла Алексею на тарелке куриное крылышко. Посыпавшиеся со всех сторон шуточки завистников твердо пресекла:

— Поскольку остальные здесь давно пошли на поправку, прошу не дергаться. Это Санину для пробуждения аппетита.

Лежащий у окна безногий балагур Овечкин, по обычаю, не преминул спошлить, оттопырив большой палец под одеялом.

— Пацаны, это чтобы встал скорее...

Таня уже хотела что-то резкое ответить, потянула украинское «Шо-о-о?!»

Но шутник тут же добавил:

— В смысле, чтобы Санин с постели встал. Как у летчиков говорят — «на крыло». Вот вы ему и крылышко... А что вы, мадам, подумали?

Раненые захохотали. Таня смутилась:

— Не ржите... Швы разойдутся.

Но из другого конца палаты тут же прилетело:

— Так на месте ж госпиталя английские конюшни были, тильки чуток перешикували, — кто-то под украинскую мову подстраивался. А кони как были, так и остались. Вот гипсовыми копытами и бьють, як Овечкин.

У Овечкина были загипсованы ноги, точнее сказать, конечности, сохранившиеся после ампутации обеих стоп. Одеяло в конце кровати лежало в пустых складках и аккуратно подогнуто, как у спеленутого ребенка. Плюс перелом руки, контузия. Водитель. Чудом выжил после подрыва машины.

Первые недели молчал, как и Санин. Наволочку изжевал до дыр. А потом, когда речь вернулась, вдруг понесло. Прослыл болтуном. Может, просто тишины боялся. Алексею знакомо это было. После контузии, когда слух возвращается, своему голосу не нарадуешься. А тут, когда подштопают или ранение заживает, прибабахи, странности у всех появляются. И не сразу проходят. Вот и у Овечкина так... Каждому новичку в палате свою историю пересказывал, бывало, и не по разу:

— Везли гастроном, в смысле продовольствие для замирившихся духов. Прямо по руслу мелкой речки. Безопаснее же. Консервы скинули, они как куры набросились. Мешки с мукой — полкузова, враз разнесли по хибарам. А на обратном пути из кишлака рвануло. Успели в воду подкинуть, суки. Точно в колею, представь. Я головой крышу пробил. Ей-богу. Сам не помню, но торчал, говорили, как танкист из люка, только в каске. И ничего. Но вот, — Овечкин хлопнул себя по загипсованным ногам, — переобулся неудачно.

Рассказывал, как анекдот. Смеялись. Но в крайний раз, при Тане, свеженький пацан из танкистов подытожил не в унисон:

— Мы в таких случаях не прощаем. Кишлак бы развалили. Точно. Им не гуманитарка твоя, а мешки из-под неё нужнее. Эрэсы с них по нашим запускают. Насыпают, риски делают на нужную дальность и бьют... А если наглеют по мелочи — постреливают из древних буров по заставам, — огороды разок перепашем танками. Месяца три тишина. Понимают урок. Они ж каждый камушек мотыгой разбивают. И в ладонях растирают. Я сам видел. В пыль, чтобы землю под мак или ещё под какую дурь засеять. Терраски из булыжников аккуратно, как песочницы, выкладывают. Соображали, что, если поля давим, даем шанс исправиться. С ними только так и можно...

Таня заходила почти каждый день. Палатные даже табуретку у койки Санина поставили и убирать на место — в коридор перед перевязочной — перестали.

А вечерами из модуля, где жил младший медперсонал, долетали через форточки грустные песни. Правда, Овечкин и тут находил, что сказать:

— Бабы шаманят, душевную хворь выгоняют. Не операционные, а прям оперные...

В палатах, как по команде, вырубали японские приёмники, кассетники и слушали.

На глазах у раненых эти чувства у девчат не прорывались, а вот у себя в модуле могли себе позволить тоску излить. В разговорах или в песнях, сидя в кружок на железных армейских койках... Это ведь как с бинтами. Прокипятишь, кровь сойдет, и можно опять перевязывать.

Но пели без перебора. Грусти и так хватало. Особенно любили комсомольскую «А годы летят, наши лучшие годы, как птицы, летят, и некогда нам обернуться назад...».

Случалось, замешивалась эта песня с пронзительным голосом муэдзина с мечети. И тогда девчонки нарочно прибавляли высоких нот. Словно птицы разной породы в лесу взялись соревноваться. Женский ансамбль всегда побеждал, что вызывало у раненых нескрываемую радость. И тогда непременно кто-нибудь вспоминал:

— Не, не зря Зыкина, когда приезжала выступать в госпиталь, слушала девчонок и хвалила.

Похвалить, конечно, можно, но... Сначала Алексея эта самодеятельность не впечатляла. Даже отдаленно прекрасный голос его Светланки не напоминала. Наоборот, мешала вспоминать. У нее оперное сопрано, голос такой тонкий, чтобы в оркестровую музыку, как нож в масло, входил... И фигура...

Медсестры, каких он здесь видел, все упитанные, крепкие. Халаты ушивали по талии, но все равно, как чехол на кресле: сверху все морщинки распирает, снизу балахоном висит. Оно и понятно — хлипкие и хрупкие тут не выдюжат. Особенно в «высокий сезон», когда после короткой зимы открываются перевалы и духи прут по тропам из Пакистана... Знакомая гвардейцам мясорубка.

Тут, в госпитале, это время выглядело, пожалуй, пострашней. Раненых мыть не успевали. Бригады врачей из операционных сутками не выходили. Столов не хватало. На каталках резали.

Какие дюймовочки выдержат? Нужны крепкие и нервами, и телом.